

Библиографические заметки

Опубликовано:
Христианское чтение. 1890. № 1-2. С. 215-236.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Библиографическія замѣтки.

I.

«Ветхозавѣтный храмъ въ Иерусалимѣ. Исслѣдованіе проф. кіев. д. акад. Акимъ Алексѣевича Оленинскаго». 1—XXVI. 1—858. 859—936.

Цѣна 16 р.

„Тѣнь, окружающая весь ветхій заветъ, едва-ли не болѣе всего ступила надъ его разрушеннымъ храмомъ“, говоритъ А. А. Оленинскій во введеніи въ свою книгу (стр. III). Съ одной стороны это обстоятельство, а съ другой — тотъ интересъ, какой возбуждалъ ветхозавѣтный храмъ среди богослововъ, археологовъ и архитекторовъ, какъ единственный въ ветхомъ заветѣ храмъ истинному Богу, и при этомъ имѣвшій своеобразную архитектуру, обуславливали тотъ фактъ, что литература объ этомъ храмѣ возрасла до огромныхъ размѣровъ, и, соответственно различной постановкѣ вопроса и различному направленію въ рѣшеніи его, можетъ быть подраздѣлена на три періода. Первый періодъ, начинающійся со времени возникновенія науки о библейскихъ древностяхъ и продолжающійся до половины прошлаго столѣтія, есть періодъ смѣшанныхъ и общихъ представленій о храмѣ. Здѣсь ветхозавѣтный храмъ изображается на основаніи всѣхъ источниковъ, взятыхъ вмѣстѣ, каковы: св. Писаніе, сочиненія Іосифа Флавія, трактатъ Мишны „Middoth“ и талмудическія преданія. Относительно пониманія архитектурнаго стиля храма этотъ періодъ характеризуется увлеченіемъ аналогіями грекоримскихъ архитектурныхъ произведеній. Изъ сочиненій, принадлежащихъ еврейскимъ писателямъ этого періода, заслуживаютъ упоминанія сочиненія двухъ Леоновъ; а изъ сочиненій

христіанскихъ писателей—изданный въ 1596—1608 гг. капитальный трудъ: Pradi et Villalpandi in Ezechielem explanationes et apparatus urbis et templi hierosolymitani commentarius, въ трехъ томахъ in folio, изъ которыхъ храмъ описывается собственно во второмъ томѣ. Обширный фоліантъ Вилляльпанда, стоявшій ему 25 лѣтъ труда, сдѣлался исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ сочиненій о храмѣ авторовъ-вилляльпандистовъ, изъ которыхъ одни представляли сокращеніе обширнаго и дорогого сочиненія Вилляльпанда, каково, напримѣръ, сочиненіе о храмѣ Людовика Капелла, включенное въ apparatus biblicus Вальтона при лондонской полиглоттѣ, а другія давали попытки новыхъ разработокъ вопроса въ томъ же, указанномъ Вилляльпандомъ, направленіи. Изъ таковыхъ особенно нужно отмѣтить сочиненіе Лями, стоившее ему 30 лѣтъ труда и соперничающее съ сочиненіемъ Вилляльпанда,—сочиненія Лундія и Лигтфота. Въ сочиненіяхъ второго періода, начинающагося со второй половины прошлаго вѣка, обнаруживается стремленіе къ раздѣльному представленію какъ перваго, такъ и втораго храма, причемъ вниманіе изслѣдователей сосредоточивается преимущественно на храмѣ Соломона. Но если въ сочиненіяхъ перваго періода, для разъясненія архитектурнаго стиля ветхозавѣтнаго храма, обращались за аналогіями къ памятникамъ грекоримскимъ, то въ сочиненіяхъ даннаго періода за такими аналогіями обращаются къ памятникамъ финикійскимъ и египетскимъ. Первый спеціальныи трудъ этого періода представляетъ монографія Гирта „Der Tempel Salomon's“ (1801 г.), вызвавшая появленіе другихъ сочиненій о храмѣ, какъ-то: Мейера и Штиглица. Усвоенное этими учеными направленіе въ изученіи и объясненіи храма Соломонова съ точки зрѣнія египетскаго искусства продолжало развиваться въ дальнѣйшихъ работахъ по тому же вопросу, въ частности: у Коппа, Шнаазе, Тенія, Соин и графа Вогюэ, сочиненіе котораго (Le Temple de Jerusalem) долгое время считалось послѣднимъ словомъ науки. Въ сторонѣ отъ указанныхъ сочиненій стоятъ явившіяся въ томъ же періодѣ монографіи о храмѣ Соломоновомъ Кейля и Бара, разъясняющія спорные вопросы о храмѣ путемъ экзегетическимъ и отказывающіяся дать понятія о стилѣ храма. Наконецъ, сочиненія третьяго періода,

открывшагося въ новѣйшее время, во второй половинѣ текущаго столѣтія, характеризуются еще болѣе сильнымъ стремленіемъ къ раздробленію общаго вопроса о ветхозавѣтномъ храмѣ. Здѣсь пишутся изслѣдованія не о храмѣ Соломона или храмѣ Ирода, а о храмѣ по книгѣ Іезекіиля (Перро, Шипіе, Пайллу, Кина, Шпенда и особенно Томаса Фредериха), по сочиненіямъ Іосифа Флавія (Шписса, Затлера), на основаніи талмудическаго преданія (Барклея, Блоха. Шика. Гильдесгеймера, Кольбе), арабскихъ и еврейскихъ легендъ (Адлера), на основаніи открытій на площади іерусалимскаго храма (Фергюссона, Піеротти). Наиболѣе характеристичнымъ явленіемъ въ ряду сочиненій третьяго періода является, вышедшее въ 1886 году, сочиненіе американскаго профессора Пэна: „Salomon's Temple and Capitol, ark of the Flood and Tabernacle or the Holy Houses of the Hebrew, Chaldee, Syriac, Samaritan, Septuagint, Coptic and itala scriptures, Iosephus, Talmud and Rabbis, by Timothy Otis Paine“, — сочиненіе, написаніе котораго длилось 33 года и приобрѣтеніе экземпляра котораго обошлось Акиму Алексѣевичу Олесницкому въ 76 р. 50 к. Въ описаніи храма Пэнь различаетъ храмъ книги Царствъ, храмъ пр. Іезекіиля, храмъ кн. Паралипоменонъ, храмъ переводовъ, храмъ Талмуда. Вообще въ сочиненіяхъ о ветхозавѣтномъ храмѣ, принадлежавшихъ третьему періоду, ясно представляются только отдѣльныя точки зрѣнія на храмъ древнихъ источниковъ, а не общій и цѣльный видъ храма. Изображая одно и то же святилище, замѣчаютъ Пайллу, изслѣдователи ведутъ дѣло такъ, что нигдѣ и ни въ чемъ, на всей линіи храма и его дворовъ, не встрѣчаются между собой. Но, какъ само собою разумѣется, говоритъ А. А. Олесницкій (стр. XXI), наука не можетъ долго останавливаться на такихъ раздробленныхъ представленіяхъ ветхозавѣтнаго храма и должна направить всѣ свои усилія на то, чтобы эти раздробленные и очищенные новѣйшею критикою описанія отдѣльныхъ источниковъ вновь объединить въ одинъ цѣльный образъ. Таковую, именно, задачу и имѣетъ трудъ Акима Алексѣевича, — начинающій собою новый періодъ въ изученіи и описаніи ветхозавѣтнаго храма, — періодъ „объединенія“.

Такъ какъ въ основаніи плана ветхозавѣтнаго храма и его

принадлежностей лежалъ планъ скинии и ея принадлежностей, такъ что ясное представленіе іерусалимскаго храма и его принадлежностей невозможно безъ предварительнаго изученія скинии и ея принадлежностей, то, въ виду такого соотношенія и связи между скинией и храмомъ, Акимъ Алексѣевичъ свое изслѣдованіе о храмѣ предваряетъ довольно обстоятельнымъ описаніемъ скинии и ея принадлежностей. Съ другой стороны, такъ какъ для представленія плана храма въ его исполненіи, расположенія стѣнъ храма, окружающихъ его дворовъ, ихъ стѣнъ и пристроекъ, необходимо знакомство съ тою мѣстностію, на которой былъ расположенъ храмъ со своими дворами и пристройками: то, въ интересахъ полноты и рельефности представленія, Акимъ Алексѣевичъ, послѣ изслѣдованія храма, прилагаетъ изслѣдованіе относительно площади харамъ эш-шерифъ, гдѣ вѣкогда находился ветхозавѣтный храмъ, и при этомъ дѣлаетъ попытку отыскать на современной площади главные пункты храма, его дворовъ, пристроекъ и стѣнъ, и—такимъ образомъ перевести идеальный образъ ветхозавѣтнаго храма въ реальный. Съ присовокупленіемъ этихъ двухъ предметовъ, т. е. описанія скинии и харамъ эш-шерифъ, трудъ Акима Алексѣевича распадается на четыре главы или, точнѣе, части: 1) О скинии Моисея, какъ основномъ ветхозавѣтномъ святилищѣ, послужившемъ моделью ветхозавѣтнаго храма (1—207); 2) о первомъ іерусалимскомъ храмѣ, построенномъ царемъ Соломономъ (209—382); 3) о второмъ іерусалимскомъ храмѣ и въ особенности объ продовольственной реставраціи второго храма (383—553); 4) о сохранившихся до нынѣ остаткахъ ветхозавѣтнаго храма и новѣйшихъ открытіяхъ на его площади (555—858). Въ концѣ книги приложены указатели личныхъ именъ (859—889), предметовъ (891—919) и мѣстъ св. Писанія, Мишны и Гемары (921—927), упоминаемыхъ въ книгѣ. Подробно передавать содержаніе каждой изъ этихъ частей значило бы далеко выходить изъ предѣловъ журнальной статьи. Поэтому мы ограничимся указаніемъ лишь наиболѣе важныхъ пунктовъ въ изслѣдованіи Акима Алексѣевича, и при томъ такихъ именно, гдѣ его взгляды представляются намъ болѣе или менѣе оригинальными. Таково 1) его пониманіе Исх. 26, 24, гдѣ идетъ

рѣчь объ устройствѣ угловыхъ столбовъ скинии. Еврейское слово thoamim онъ понимаетъ въ смыслѣ „параллельные“, shillematta— „отъ основанія“, thammim— „самостоятельные“, al goscho— „въ счетъ“, и всему стиху даетъ такой смыслъ: „угловые брусья должны выражать собою извѣстную строителямъ художественную архитектурную параллельность, какъ это требуется обычаемъ объ устройствѣ угловъ, начиная съ самаго своего основанія и далѣе; но, вмѣстѣ съ такимъ своимъ значеніемъ, они не должны терять что-либо изъ того, что свойственно другимъ брусьямъ; напротивъ, они должны имѣть такое же полное значеніе въ счетѣ брусевъ и, подобно всѣмъ остальнымъ брусьямъ, подчиняться общей системѣ укрѣпленія скинии, внося свои отдѣльныя кольца въ общіе ряды колець и засововъ“ (71—72). 2) Не соглашаясь съ существующими въ западно-европейской литературѣ взглядами относительно символика скинии, какъ-то: Гарреса, Бэра, Генгстенберга, Кейла и Фридериха, и съ другой стороны, отвергая утвержденіе Де-Веттс-Редигера, что скинія не имѣла символическаго значенія, и предположеніе Шице, что она была обыкновеннымъ домомъ богатыхъ египтянъ того времени, Акимъ Алексѣевичъ, съ своей стороны, находитъ, что скинія была образомъ самой горы Синаи, снятыхъ въ моментъ богоявленія, и предстала всегда предъ народомъ, какъ гора завѣта, богоявленія и богооткровенія (176—197). 3) Трудный вопросъ относительно высоты Соломонова храма или, другими словами, о высотѣ въ немъ святаго святыхъ, Акимъ Алексѣевичъ, послѣ критики другихъ взглядовъ по этому вопросу, рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что внѣшняя высота храма, какъ святаго, такъ и святаго святыхъ, была одинаковой, внутренняя же высота святаго была 30 локтей, а таже высота святаго святыхъ— 20 локтей, т. е. меньше на 10 локтей. Эта разность происходила влѣдствіе того, что полъ святаго святыхъ, отъ котораго начиналось измѣреніе внутренней высоты, лежалъ на десять локтей выше относительно пола святаго, такъ что изъ святаго во святое святыхъ восходили по ступенямъ; потолокъ же того и другого отдѣленія лежалъ на одномъ уровнѣ (229—232). 4) Высоту притвора онъ полагаетъ равной 20 локтямъ, а представляющееся

при этомъ возраженіе со стороны 2 Паралипом. III, 4, гдѣ, по еврейскому масоретскому тексту, эта высота опредѣляется въ 120 локтей, устраняетъ остроумнымъ предположеніемъ, что здѣсь, благодаря недосмотру переписчика, въ масоретскій текстъ вкралась ошибка: слово *амма* (локоть) было прочитано и переписано *меа* (сто), отчего и вышло: вмѣсто „и высота локтей двадцать“, — „высота сто двадцать“. Вѣрность такого предположенія подтверждается переводомъ 70, по александрійскому кодексу, сирскимъ и арабскимъ, гдѣ, вмѣсто 120, читается 20 (236—237). 5) Слова 3 Царствъ о трехъ рядахъ тесаныхъ камней и одномъ рядѣ кедровыхъ бревенъ, какъ опредѣляется въ 3 Цар. VI, 36; VII, 12 ограда внутренняго и внѣшняго дворовъ, Акимъ Алексѣевичъ понимаетъ въ смыслѣ указанія на существовавшія по линіямъ того и другого двора трехъэтажныя постройки (338—358). 6) Тѣ же слова 3 Царствъ, въ соединеніи со словами 1 Езд. VI, 4, применительно къ устройству второго храма, еврейскими книжниками были поняты въ томъ смыслѣ, что храмъ долженъ имѣть три каменныхъ этажа и одинъ деревянный, къ осуществленію чего книжники и стремились за все время существованія второго храма. Въ Иродовой реставраціи храма они почти достигли осуществленія этого, такъ какъ въ реставрированномъ, по ихъ указанію, храмѣ слѣдуетъ различать: во первыхъ, одинъ подземный каменный этажъ, состоявшій изъ подземелій подъ платформою храма, во вторыхъ, два наружныхъ каменныхъ этажа и, въ третьихъ, возвышавшуюся надъ ними деревянную башню, составляющую вмѣстѣ съ тѣмъ третьей недоконченный наружный этажъ. Во второмъ каменномъ этажѣ, возвышавшемся надъ самымъ храмомъ, была синагога или залъ для молитвъ и чтенія закона (497—507). 7) Всю линію мола (стѣны), окружающаго современную площадь харама эш-шерифъ, Акимъ Алексѣевичъ считаетъ дѣломъ Соломона, вполнѣдствіи восстановленнымъ Иродомъ на прежнихъ основаніяхъ (600), и въ разныхъ мѣстахъ мола находятъ остатки стѣны древне-еврейской кладки. На углахъ сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ современной площади харама лежали башни Хананель и Меа (вполнѣдствіи Антонія), главныя зданія, такъ называемой, „отлученной ча-

сти“ храма, назначенной для складовъ священническаго продовольствія; между этими башнями находились Овечьи ворота (667—669). Въ соответствии башнямъ Хананель и Меа, на юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ храмоваго мола возвышались башни Офель и Баханъ, или Мишне, изъ которыхъ особенно высокою казалась юго-восточная башня, по своему положенію надъ глубокимъ обрывомъ Кедрскаго потока, такъ что, поэтому, ея именемъ, Офель, назывались и всѣ южныя постройки площади храма (711). Находившіяся между этими башнями и подъ ними самими подземелья южной части, изъ которыхъ юго-восточное подземелье и подземелье Эль-Акса обследованы, а существованіе другихъ предполагается, были убожищемъ нищихъ (711—712), стекавшихъ отовсюду къ храму. 8) Выпуски по краямъ камней стѣны древне-еврейской кладки, называемыхъ поэтому выпускными, или, что то же, вздымающіеся средніе фасы таковыхъ камней не были вызваны какою-либо необходимостью и вовсе не утилизировались при кладкѣ стѣны, но были нарочитымъ орнаментомъ стѣны, для сообщенія ей оживленнаго и, смотря по зданію, то грознаго, то призывающаго вида (582). Подобное же назначеніе имѣли встрѣчающіеся на камняхъ столбики и углубленія, которые дополняли впечатлѣніе, производимое фасадами, выступающими надъ боковыми выпусками камней (586). А что касается буквенныхъ знаковъ на камняхъ мола, то вырѣзанныхъ рѣзцомъ, то написанныхъ киноварью, что бываетъ чаще, то эти знаки имѣли символическое значеніе, стоявшее въ связи съ исторіей храма; отдѣльныя же буквы на камняхъ, изъ каковыхъ особенно часто встрѣчается имѣющая форму креста буква тавъ, суть сокращенія священныхъ словъ храмоваго культа, и, подобно Езек. IX, 4—7, могли быть разставлены на стѣнѣ, какъ особенное священное и таинственное огражденіе храма, всего вѣроятнѣе при возвращеніи изъ вавилонскаго плѣна, при Ездри и Нееміи, причемъ вмѣсто крови употреблена киноварь (588—593). При священнодѣйствіи освященія храмоваго мола, весьма вѣроятно, была поставлена, наполненная нѣкогда жертвенной кровію или елеемъ помазанія, таглинная краснаго цвѣта урна, которая была найдена Варреномъ

въ нешерфъ, подъ юго-восточнымъ угломъ мола (595). 9) Въ рѣшеніи вопроса относительно расположенія ветхозавѣтнаго храма, примѣнительно къ плану современной площади харамъ эш-шерифъ, Акимъ Алексѣевичъ, послѣ критики другихъ взглядовъ, приходитъ къ взгляду графа Вюкюэ. Шгада и Шикка, и считаетъ вершину скалы Куббетъ эс-сакра, вокругъ которой въ настоящее время находится мечеть Омара, за мѣсто жертвенника, а отсюда по прямой проекціи къ западной стѣнѣ площади полагаетъ самый храмъ (790—801), не рѣшаясь при этомъ указать на нылѣшней площади харамъ лянн стѣнъ корпуса храма и всѣхъ окружающихъ его зданій и стѣнъ внутреннихъ дворовъ, такъ какъ для этого нѣтъ требуемыхъ данныхъ.

Здѣсь опять повторяемъ, что въ указанныхъ девяти пунктахъ мы сообщаемъ лишь тѣ заключенія и соображенія Акіма Алексѣевича, которыя оказались намъ болѣе существенными и въ тоже время оригинальными. Желających познакомиться съ другими выводами, заключеніями, соображеніями и предположеніями почтеннаго ученаго, по многочисленнымъ вопросамъ относительно ветхозавѣтнаго храма, его принадлежностей и площади харамъ эш-шерифъ, отсылаемъ къ обширному труду Акіма Алексѣевича. Здѣсь, кромѣ многочисленныхъ свѣдѣній реальнаго свойства, они также найдутъ изложеніе и критику различныхъ сужденій по даннымъ вопросамъ, обнаруживающія въ авторѣ обширное знакомство съ первоисточниками и литературой предмета, а также найдутъ рисунки и таблицы, частію въ самомъ текстѣ, частію въ приложеніи къ тексту, значительно облегчающіе представленіе описываемыхъ предметовъ.

Принося автору обширнаго труда благодарность отъ лица занимающихся изученіемъ библейскихъ древностей и воздавая должную дань его эрудиціи, остроумію и умѣнію комбинировать матеріалъ, мы тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ сдѣлать замѣчаніе по поводу критическаго элемента въ его сочиненіи. Можетъ быть, влѣдствіе того, что сознаніе автора было занято преимущественно сосредоточеніемъ разнообразныхъ предметовъ и миѣній воедино, вообще — болѣе творческими планами, дѣлаемыя имъ критическія за-

зѣчанія, по поводу сужденій и взглядовъ лицъ, не согласныхъ съ его сужденіемъ или взглядомъ, не вездѣ достаточно сильны и убѣдительны. Такъ на примѣръ, укажемъ, во первыхъ, на дѣлаемый имъ разборъ свидѣтельствъ Іосифа Флавія относительно площади храма (649—665). Указываемыя имъ при этомъ, особенно на стр. 664—665, соображенія, какъ намъ показалось, не поколебали свидѣтельства Іосифа Флавія (De bell. jud. 1. 21, 1) о расширеніи Иродомъ площади храма, а равно и другого свидѣтельства (Antiqu. XV, 11, 3), что каждая сторона храмовой площади равнялась одной стадіи, такъ что окружность всей площади равнялась четыремъ стадіямъ, а со включеніемъ башни Антонія—шести стадіямъ (Bell. V, 5, 2), т. е. была значительно меньше окружности харама эш-шерифъ, линію которой Акимъ Алексѣевичъ ведетъ отъ Соломона; а посему и взгляды исследователей, опирающихся на свидѣтельствахъ Іосифа Флавія и отрицающихъ происхожденіе всей площади харама эш-шерифъ изъ времени Соломона, являются непотерявшими своей доказательности. Во вторыхъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе по поводу критики реставраціи храма Соломонова, дѣлаемой Пэнномъ. Этотъ американецъ производитъ пертурбацію въ исторически сложившемся и доселѣ существовавшемъ представленіи храма, которая для чловѣка, недостаточно знакомаго съ оригинальнымъ текстомъ описанія храма, можетъ показаться заманчивой; а посему его взглядъ слѣдовало подвергнуть болѣе обстоятельной критикѣ, чѣмъ какую находимъ у Акима Алексѣевича, на стр. 310—312. Наконецъ, взглядъ на символику Бэра (184—191), у котораго Акимъ Алексѣевичъ по мѣстамъ видитъ обнаруженіе положительнаго языческаго пантеизма, такъ что считаетъ возможнымъ въ непрямомъ смыслѣ назвать пантеистической всю его символику (191), мы считаемъ несправедливымъ. Правда, принимаемая Бэромъ знаменательность и святость чиселъ, цвѣтовъ и проч. выводится „не изъ исторически даннаго въ библейскомъ текстѣ ихъ значенія“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и—не „изъ нихъ самихъ“ (ср. стр. 191), а вообще изъ міровоззрѣнія древнихъ, такъ что, какъ намъ кажется, если можно въ чемъ упрекнуть Бэра, такъ именно — въ томъ,

насколько онъ правъ въ присвоеніи древнихъ еврейскъ мировоззрѣнія другихъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ. Эти замѣчанія относительно кажущихся недочетовъ труда Акима Алексѣевича мы дѣлаемъ исключительно съ цѣлю всесторонняго раскрытія предмета, а не съ цѣлю какъ-либо умалить достоинство его труда, который, по нашему разумѣнію, дѣлаетъ честь русской наукѣ.

Трудъ изданъ православнымъ палестинскимъ обществомъ, на хорошей бумагѣ, со множествомъ рисунковъ, чертежей и таблицъ, частію въ самоѣ текстѣ, частію въ приложеніи, которыя сдѣланы весьма точно и изящно и скопированы съ лучшихъ иностранныхъ изданій. Печать текста—крупная и четкая. Изъ опечатокъ, которыхъ вообще мало, какъ наиболее важную, считаемъ нужнымъ указать на стр. 84—85, гдѣ вмѣсто 170 во всѣхъ случаяхъ нужно читать 140, вмѣсто 173—143, а вмѣсто 70—50.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ присовокупить, что свой обширный и капитальный трудъ, сосредоточивающій воедино множество разнообразныхъ предметовъ и мнѣній Акимъ Алексѣевичъ посвятилъ Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру III, высокому покровителю духовной науки.

Иванъ Троицкій.

II.

«Исторія русскаго раскола, явѣстнаго подъ именемъ старообрядчества. Составилъ примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій преподаватель Одесской семинаріи Иванъ Стрѣльбицкій. Одесса 1879 г.»

Авторъ именованнаго сочиненія, окончивая свой трудъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „положеніе раскола въ православной церкви—предметъ весьма важный, требующій полнаго знанія дѣла и полнаго безпристрастія отъ разсуждающаго о немъ. А по своему практическому значенію онъ особенно обязываетъ къ слову, взвѣшенному самымъ точнымъ образомъ, ибо слово это съ большимъ вниманіемъ читается всѣми и особенно принадлежащими къ расколу“ (стр. 222). Эти прекрасныя слова направлены г. Стрѣльбицкимъ по адресу свѣтскихъ журналовъ и газетъ; тѣмъ обязательнѣе они, по нашему мнѣнію, для писателей духовныхъ и особенно для тѣхъ изъ нихъ, которые свои литературныя произведенія по расколу назначаютъ для школы. А между тѣмъ авторъ предметъ наименованной нами „Исторія русскаго раскола“, къ удивленію

и сожалѣнію, самъ очень часто нарушаетъ въ своемъ трудѣ правило, рекомендуемое имъ другимъ.

Прежде всего г. Стрѣльбицкій, новидимому, не придаетъ никакого значенія хронологіи, вслѣдствіе чего при изложеніи самыхъ общезвѣстныхъ событій у него нерѣдко встрѣчаются невѣрные даты. Такъ, напр., несомнѣныя историческія данныя показываютъ, что новонаправленный служебникъ и другія „церковныя книги“ были присланы въ Соловецкій монастырь въ концѣ 1657 года: 30-го августа 1657 года, по указу новгородскаго митрополита Макарія, книги были привезены боярскимъ сыномъ Иваномъ Малгинымъ въ Холмогоры, а изъ Холмогоръ посланы въ Соловецкій монастырь старцемъ Іосифомъ при письмѣ отъ „10 октября 166 года“ (Матеріал. для истор. раскола, т. III, стр. 3—5); между тѣмъ г. Стрѣльбицкій утверждаетъ, что „новонаправленныя богослужебныя книги, при царскомъ указѣ, были присланы въ Соловецкій монастырь въ 1656 году“ (стр. 82). Точно также всѣмъ извѣстно, что послѣ кончины патріарха Іоасафа, послѣдовавшей 28 ноября 1640 года, русская церковь больше года оставалась безъ первосвятителя и что преемникъ Іоасафа—Іосифъ былъ избранъ на патріаршество 20-го марта 1642 года, а посвященъ 27 марта (Истор. русск. цркви м. Макарія, т. XI, стр. 94—7); между тѣмъ г. Стрѣльбицкій увѣряетъ, что Іосифъ вступилъ на патріаршій престолъ въ 1640 году (стр. 34). Равнымъ образомъ несомнѣныя данныя показываютъ, что Епифаній, бывшій, по свидѣтельству Ивана Алексѣева, раскольническимъ архіереемъ на Вѣткѣ „лѣта 7242“ (Брат. Слов. 1889 г. № 7, стр. 511), получилъ санъ епископа отъ молдавскаго митрополита Георгія 22 іюля 1724 года (Истор. русск. раск. Макарія, стр. 301; Подл. историч. извѣст. о древн. стригольн. и нов. раск., Іоаннова, 1855 г. ч. III, стр. 20; Историч. очеркъ поповщ. Мельникова, ч. I, стр. 103 и 105); между тѣмъ г. Стрѣльбицкій утверждаетъ, что Епифаній былъ рукоположенъ во епископа 22 іюля 1722 года (стр. 163). По свидѣтельству несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, Круглый послѣ пріезда показалъ на допросѣ, что вѣнгерскіе раскольники не молятся за предержащую власть,

въ 1738 году (Раскольн. дѣла XVIII стол., Есинава, т. I, стр. 384); а по словамъ вашего автора, Круглый сдѣлалъ указанный доносъ на выговцевъ „въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія“ (стр. 110). Протопопъ Аввакумъ въ своей челобитной, поданной Алексѣю Михайловичу по возвращеніи изъ Дауръ, ясно говоритъ, что онъ пробылъ въ Сибири 11 лѣтъ: „и сибирскія бѣды хочу воспомянути, колико во одиннадцатъ лѣтъ на хребтѣ моемъ дѣлалаша язвъ беззаконнн за имя Христово“ (Матер. для истор. раскол. т. V, стр. 125); то же утверждалъ и Нероновъ въ челобитной, поданной царю 6 декабря 1664 года (Братск. слов. 1875 г. кн. 2, стр. 200); между тѣмъ г. Стрѣльбицкій говоритъ, что Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву „послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Сибири“ (стр. 63)¹⁾. На стр. 214-й нашъ авторъ утверждаетъ, что иргизскіе старообрядцы „возсоединились съ православною церковію въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія“ — а на дѣлѣ — Нижневоскресенскій монастырь обращенъ въ едино-вѣрческій въ 1829 году, Средне-Никольскій — въ 1837 году, а Верхне-Спасопреображенскій — въ 1841 году (Прав. Собесѣд. 1858 г., ч. I, стр. 239, 253 и 255). На стр. 198-й г. Стрѣльбицкій говоритъ, что св. Дмитрій Ростовскій, „при самоѣмъ прибытіи его на епархію (въ 1702 г.), былъ встрѣченъ вопро-сами о бритѣ бороды“, что и побудило святителя написать из-вѣстное „Разсужденіе объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ“; а между тѣмъ авторъ „Разсужденія“ прямо говоритъ, что два брадатыхъ, но не старыхъ человека обратились къ нему съ вопро-сомъ о брадобритіи „въ лѣто 1705“. На стр. 206-й нашъ авторъ утверждаетъ, что „Увѣщаніе во утвержденіе истины“ — Платона было издано въ 1766 году; а между тѣмъ на выход-номъ листѣ значится: „напечатана сіе Увѣщаніе... въ лѣто отъ сотворенія міра 7273, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1765, мѣсяца декабря“.

¹⁾ Г. Стрѣльбицкій очевидно не читалъ даже автобіографіи Аввакума, гдѣ юрьевскій протопопъ говоритъ, что на одно путешествіе изъ Тобольска въ Дауры и обратно онъ употребилъ 8 лѣтъ: «три года ѣхалъ изъ Дауръ; а туда волокся пять лѣтъ противъ воды» (Житіе Аввак., изд. Кожанчикова, 1861, стр. 62).

За то въ тѣхъ случаяхъ, когда наука, по недостатку данныхъ, отказывается отъ опредѣленія для того или другого событія точной даты, г. Стрѣльбицкій указываетъ ее категорически, ничтоже сумняся. Такъ, напр., нашъ авторъ, не обинуясь, утверждаетъ, что Семень Денисовъ „Исторію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ“ написалъ „спустя сорокъ лѣтъ“ послѣ взятія Соловецкой обители (стр. 89), т. е. въ 1716 году; а между тѣмъ несомнѣнные данныя показываютъ, что въ этомъ году Семень Денисовъ, скованный, по распоряженію митрополита Іова, сидѣлъ въ новгородской орловской темницѣ¹⁾. Точно также, неизвѣстно на какомъ основаніи, г. Стрѣльбицкій категорически говоритъ, что Аввакумъ подалъ свою челобитную царю Θεодору Алексѣевичу въ 1681 году (стр. 78), хотя, судя по многимъ выраженіямъ челобитной, скорѣе можно думать, что она писана Аввакумомъ вскорѣ послѣ того, какъ вѣсть о восшествіи на престолъ новаго царя (въ 1676 г.) дошла до Пустозерска.

Непріятно бросаются въ глаза, при чтеніи книги г. Стрѣльбицкаго, противорѣчія, доходящія иногда до курьеза. Такъ, напр., на стр. 78-й г. Стрѣльбицкій говоритъ, что „союзниками Аввакума“ въ Пустозерскѣ были Θεодоръ, Лазарь и Авраамій; а на стр. 105-й Авраамій замѣненъ авторомъ Епифаніемъ. На стр. 95-й г. Стрѣльбицкій утверждаетъ, что извѣстный строгій указъ противъ раскольниковъ былъ изданъ Софьей Алексѣевной въ 1684 году, а на стр. 192-й—въ 1685 году. На стр. 145-й нашъ авторъ, сказавши, что вѣтковцы сперва принимали бѣглыхъ поповъ чрезъ крещеніе, затѣмъ чрезъ муропомазаніе и наконецъ стали принимать ихъ третьимъ чиномъ, замѣчаетъ: „такъ какъ Вѣтка на первыхъ порахъ служила главнымъ центромъ всей поповщины и изъ нея разсылались поны по всему раскольниковому міру, приемлющему бѣгствующее священство, то на рѣшеніе вопроса о членипріятія этого священства на Вѣткѣ нужно смотрѣть, какъ на рѣ-

¹⁾ 10-го декабря 1713 года Семень Денисовъ былъ преданъ бѣжавшими съ Выга раскольниками въ архіерейскій разрядъ (Раск. дѣла XVIII стол. Есипова, т. I, стр. 305), гдѣ, по свидѣтельству Ивана Фялипова, пробылъ больше четырехъ лѣтъ (Истор. Выговск. пуст., стр. 148—9).

шеніе его во всей поповщинѣ до 1764 года¹⁾; а на стр. 158-й значится, что впервые мысль о приѣмѣ бѣглыхъ поповъ третьяя чиною явилась на Керженцѣ и что ее „вопреки принятому у прочихъ бѣглопоповцевъ обычаю“ сталъ проповѣдывать дьяконъ Александръ. На стр. 90 и 95 составителемъ челобитной, поданной раскольниками на соборъ въ грановитой палатѣ (въ 1682 г.) г. Стрѣльбицкій считаетъ инокъ Сергія, а на той же 95 стр. — ниже называетъ ее челобитной Никиты пустосвята.

Не мало въ сочиненіи г. Стрѣльбицкаго и неточностей, которыя не должно быть мѣста въ книгѣ, предназначенной для школы. Такъ, напр., нашъ авторъ утверждаетъ, будто бы во времена Стоглаваго собора церковно-богослужебныя книги писались у насъ „уставомъ или полууставомъ, т. е. угловатыми или прямолинейными буквами“ (стр. 24), будто бы двуперстіе было утверждено на стоглавоу соборѣ въ качествѣ догмата „русскими книжечками“ (стр. 37), будто бы патр. іерусалимскій Паусій, пріѣзжавшій въ Москву въ 1649 г., указывалъ на двуперстіе, какъ на повшество, царю, патр. Іосифу и Никону, посвященному вмѣ въ санъ новгородскаго митрополита (стр. 40)²⁾, будто бы Никонъ въ 1658 году лишился не только милости и дружбы царя, но и патриаршаго престола (стр. 61), будто бы соловецкое „стояніе“ за вѣру продолжалось двадцать лѣтъ (стр. 88), будто бы находящіяся въ полемическихъ противъ раскола книгахъ „порицанія“ относятся не къ „старымъ обрядамъ“, но къ хулителямъ исправленныхъ обрядовъ, якобы еретическихъ (стр. 184), будто бы первымъ проповѣдникомъ ученія о необходимости брачной жизни среди безпоповцевъ былъ Василій Емельяновъ (стр. 137) и будто бы великій катихизисъ былъ изданъ при патр. Іосифѣ (стр. 37).

Кромѣ неточностей встрѣчаются въ сочиненіи г. Стрѣльбицкаго положенія, съ которыми трудно согласиться и даже такія, которыя должны быть признаны положительно невѣрными. Такъ,

¹⁾ Почему авторъ указываетъ этотъ годъ, — трудно понять; споры о чиноприѣмѣ возникли въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII в.

²⁾ Патр. Никонъ на соборѣ 1656 г. говорилъ не то: «завираху нашему смиренію».

напр., нашъ авторъ говоритъ, что Аввакумъ во время пребыванія своего въ Москвѣ, по возвращеніи изъ сибиря, „успѣлъ наплодить много челобитныхъ, записокъ и посланій“, въ которыхъ, между прочимъ, напалъ и на пятипросфоріе (стр. 66). Съ такимъ мнѣніемъ г. Стрѣльбицкаго болѣе чѣмъ трудно согласиться. По свидѣтельству несомнѣнныхъ данныхъ, пребываніе Аввакума въ Москвѣ, по возвращеніи его изъ сибиря, продолжалось меньше года ¹⁾. Въ такой незначительный періодъ времени невозможно было „много наплодить челобитныхъ, записокъ и посланій“ даже и такому богатырю ²⁾, какимъ былъ „въ Даурахъ мученой протопопъ“ ³⁾. Въ подтвержденіе своихъ словъ нашъ авторъ ссылается на сочиненіе Аввакума, подъ заглавіемъ: „Къ римлянамъ посланіе св. апостола Павла“, въ которомъ расколочитель обвинялъ православныхъ въ томъ, что они „надъ одною просфорю кудесятъ, дыръ 300 навертываютъ“. Если г. Стрѣльбицкій знаетъ поименованное сочиненіе Аввакума только по „описанію нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ раскольниками въ пользу раскола“ (ч. II, стр. 12—13), и въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ права отнести его къ числу сочиненій, написанныхъ Аввакумомъ во время пребыванія его въ Москвѣ, по возвращеніи изъ Сибиря, такъ какъ въ немъ Спиридонъ Потемкинъ, архимандритъ Покровскаго монастыря, называется „покойникомъ“, а онъ умеръ, по свидѣтельству діакона Θεодора, „во 174 (1665) году во исходѣ ноября мѣ-

¹⁾ Въ Сибирь Аввакумъ былъ посланъ въ сентябрѣ 1653 года (Брат. Слов. 1875 г. кн. I, стр. 31); значитъ, возвратился онъ (черезъ 11 лѣтъ) въ Москву въ 1664 году; а въ ноябрѣ этого года онъ уже опять былъ высланъ изъ Москвы и находился въ Холмогорахъ (Матеріалы для истор. раск. т. V, стр. 140—1; снес. Брат. Слов. 1875 г. кн. 2, стр. 198—200). Да и самъ Аввакумъ пишетъ въ своей автобіографіи, что по возвращеніи изъ Сибиря, онъ пробылъ въ Москвѣ съ небольшимъ полгода, при чемъ прямо говоритъ, что полгода, по приказанію царя, онъ «молчалъ», т. е. ни устно, ни письменно не протестовалъ противъ заведеннаго патр. Никономъ порядка (Мат. для истор. раск. т. V, стр. 65—7).

²⁾ Такъ величаетъ Аввакума С. М. Соловьевъ.

³⁾ Изъ всѣхъ, извѣстныхъ до настоящаго времени, сочиненій Аввакума только три несомнѣнно написаны имъ во время пребыванія въ Москвѣ—въ 1664 году (Матер. т. V, стр. 19—20 и 25).

сяца“ (Матер. для истор. раскол. т. VI, стр. 232), когда Аввакумъ былъ уже не въ Москвѣ, а на Мезени (Хр. Чт. 1888 г. № 9—10, стр. 587). Но теперь уже все́мъ и каждому извѣстно, что вышеупомянутое сочиненіе Аввакума, въ которомъ онъ нападаетъ на пятипроторіе, есть не болѣе, какъ отрывокъ изъ другого, болѣе обширнаго, его сочиненія, подъ заглавіемъ: „Беседа о Авраамѣ“ (Матер. для истор. раск. т. V, стр. 370—371), написаннаго Аввакумомъ, несомнѣнно, уже въ Пустозерскомъ острогѣ¹⁾.

Точно также мы не можемъ признать вѣрнымъ и то положеніе нашего автора, будто бы въ царствованіе Алексѣя Михайловича противъ раскольниковъ не было издано общаго распоряженія и будто бы *первымъ* распоряженіемъ гражданскаго правительства, направленнымъ противъ все́хъ раскольниковъ, былъ указъ 1685 г., изданный послѣ стрѣлецкихъ волненій царевной Софьей (стр. 192). Въ данномъ случаѣ интересно не столько то, что г. Стрѣльбицкій не знаетъ направленныхъ противъ раскола распоряженій гражданскаго правительства, изданныхъ прежде 1685 года, и не читалъ изданнаго въ этомъ году Софьей указа, въ которомъ говорится: „великіе государи цари... и сестра ихъ ...благовѣрная царевна Софія Алексѣевна, слушавъ сихъ статей, указали и бояре приговорили: расколщиковъ впредь свой великихъ государей указъ чинить *по прежнему указу отца своего великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича*“... (Акт. Археогр. Экспед. т. IV, № 254), сколько то, что г. Стрѣльбицкій, въ подтвержденіе высказаннаго имъ положенія, ссылается на данное гражданскою властію новгородскому митр. Корнилию повелѣніе „повсемѣстно *сыскивать, ловить раскольниковъ и представлять*

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ «Бесѣды о Авраамѣ» Аввакумъ говоритъ: «ей, хвалимся и радуемся въ скорбѣхъ своихъ, мучими отъ васъ, иконіанъ, въ темницахъ и во оковахъ и въ смертяхъ многожды отъ вашего жалованія; 22 лѣта плаваю такъ и сякъ, иногда нагъ, иногда гладенъ, иногда убить, иногда на дождь, иногда на мразь, иногда на чѣпли... кромѣ повседневныхъ нападений и разлученій жены и дѣтей» (Матер. для ист. раск. т. V, стр. 367). А такъ какъ «страданія» Аввакума начались въ 1653 году, то очевидно, что «Беседа о Авраамѣ» писана имъ не раньше 1675 года.

въ приказъ духовныхъ дѣлъ для увѣщанія“, — послѣдовавшее 14 ноября 1682 года (Акты Истор. т. V, № 100), т. е. за два слишкомъ года до издавнн „перваго“ указа—1685 г.

Неточнымъ и даже невѣрнымъ намъ кажется и то положеніе г. Стрѣльбицкаго, будто бы „во всѣхъ указахъ противъ раскольниковъ, изданныхъ въ царствованіе Петра I, причиною преслѣдованій раскола вездѣ выставляется не религіозная его виновность, а только противогосударственный характеръ“ (стр. 196). Правительствующій Сенатъ обще съ членами св. Синода, опредѣленіемъ 1-го іюня 1724 г. причисливъ раскольническія дѣла къ злодѣйству, замѣтилъ: „понеже раскольническая прелесть, упрямства исполненная, *правовѣрїю противна* и злодѣйственна есть“ (Собран. постан. по част. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 99). Несправедлива и та мысль нашего автора, будто бы іером. Неофитъ послѣ безуспѣшныхъ состязаній съ выговскими раскольниками возвратился въ Петербургъ (стр. 203). Несомнѣныя данныя показываютъ, что, не смотря на неоднократныя и слезныя просьбы Неофита, св. Синодъ не позволялъ ему оставить Петровскіе заводы и что здѣсь несчастный миссіонеръ и скончался 7 апрѣля 1727 года. (Опис. докум. и дѣлъ св. Синода, т. 1, стр. 482). Наконецъ, увѣреніе нашего автора, будто бы въ 1854 году большая часть главныхъ руководителей московскаго преображенскаго кладбища изъявила искреннее желаніе присоединиться къ единовѣрїю (стр. 228), находится въ противорѣчїи съ заявленіемъ объ этомъ предметѣ моск. святителя Филарета, который въ 1857 году писалъ: „очень можно вѣрить, что нѣкоторые и, можетъ быть, многіе изъ раскольниковъ (Преображ. и Рогожек. кладбищъ) присоединились (въ 1854 г.) не совсѣмъ по усердію“ (Собран. мѣст. и отзыв. т. IV, стр. 298), при чемъ архіепископъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ купцовъ, изъ которыхъ преимущественно и выбираются попечители и руководители Преображенскаго кладбища.

Не мало въ трудѣ г. Стрѣльбицкаго и такихъ ошибокъ, которыя показываютъ, что если нашъ авторъ и пользовался при составленіи своего сочиненія „разными статьями по расколу, помѣщенными какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ журналахъ“, то

только тѣмъ, которыя были начатаны давно, да и то не всѣми. А слѣдствіемъ этого было то, что въ книгѣ г. Стрѣльбицкаго нерѣдко встрѣчаются такія сужденія о нѣкоторыхъ и притомъ имѣющихъ большое значеніе для раскольняковъ вопросахъ, которыя находятя въ прямомъ противорѣчіи съ послѣдними результатами науки о расколѣ и могутъ казаться заблуждающимъ печуждыми пристрастія. Такъ, напр., г. Стрѣльбицкій увѣряетъ, что сугубая аллилуія впервые появилась въ нашихъ печатныхъ книгахъ только во время патр. Іоасафа (стр. 37); а между тѣмъ давно уже стало извѣстно, что сугубая аллилуія встрѣчается не только въ книгахъ, изданныхъ въ періодъ времени, протекшаго послѣ смерти патр. Іоасафа—до избранія на патр. престолъ Іосифа (Твор. св. отцев. 1883 г. кн. IV, стр. 551), но даже въ книгахъ, вышедшихъ изъ печати въ 4-е лѣто патр. Гермогена (Хр. Чтен. 1857 г. ч. 2, стр. 138). Точно также навѣрно утверждаетъ г. Стрѣльбицкій, будто бы и ученіе о двуперстіи внесено въ наши печатныя книги только при патр. Іосифѣ (стр. 37). Теперь уже извѣстно, что впервые ученіе о двуперстіи появилось у насъ въ псалтири, которая „начата печатаніемъ въ лѣто 7150 (1641) мѣсяца сентября въ 9 день, совершена же бысть того же лѣта мѣсяца ноября въ 15-й день“ (Вратск. Слов. 1888 г. № 15, стр. 339; смее. Описан. славянор. книгъ, Каратаева, 1883 г. т. I, № 522)¹⁾, т. е. въ то время, когда на Руси не было патріарха,—Іоасафъ скончался, а Іосифъ еще не былъ поставленъ. Далѣе: теперь уже не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ни Стефанъ Вонифатьевъ, ни Нероновъ, Лазарь и Никита, не были и даже не могли быть справщиками книгъ

¹⁾ Впрочемъ, было бы несправедливо ставить въ вину г. Стрѣльбицкому эту неточность, когда даже лица, имѣвшія интересъ отодвинуть появленіе у насъ двуперстіи ко временамъ сѣдой старины, повлины въ той же ошибкѣ. Такъ, напр., г. Каптеревъ, старающійся доказать, будто бы двуперстіе существовало со времени введенія у насъ христіанства, утверждаетъ и не разъ, что ученіе о двуперстіи въ первый разъ появилось въ печатныхъ іосифовскихъ книгахъ, а именно въ Псалтири, которую начали печатать 11 сентября 1642 г., а окончили въ томъ же году 31 декабря (Патр. Никонъ и его противники, стр. 53, 58 и 67).

при патр. Іосифѣ (Истор. русск. церкв. Макарія, т. XI, стр. 126; Твор. св. отцевъ 1883 г. кн. IV, стр. 588—9; Патр. Николай и его противники, Кантсрева, стр. 50 — 8), а г. Стрѣльбицкій утверждаетъ противное (стр. 35 и 67), ничтоже сумняся. Наконецъ, нашъ авторъ говоритъ, что въ грамотѣ, посланной патр. Никономъ константинопольскому патр. Павсію. „было предложено до 26 вопросовъ касательно чиновъ церковныхъ“ (стр. 51) и что присланное въ отвѣтъ на эти вопросы посланіе вселенскаго патриарха съ отвѣтами константинопольскаго собора Никонъ велѣлъ напечатать въ Скрыжали *все* (стр. 59); между тѣмъ стояло г. Стрѣльбицкому прочесть напечатанное (съ подлинника) въ „Христіанскомъ Читаніи“ за 1881 годъ посланіе Павсія, и онъ увидѣлъ бы, что Никономъ „было предложено“ не 26, а 28 вопросовъ и что въ напечатанномъ въ Скрыжали посланіи Павсія былъ опущенъ конецъ 25-го и весь 26-й вопросы отвѣтъ (Хр. Чит. 1881 г. № 5—6, стр. 366—370).

Встрѣчаются въ сочиненіи г. Стрѣльбицкаго и другіе недостатки: повторенія (стр. 95 и 195, 73 и 193, 150 и 157), излишнія подробности о вещахъ неважныхъ ¹⁾ и неинтересныхъ ²⁾, грубыя опечатки ³⁾, пропуски ⁴⁾, или точнѣе пробѣлы и иногда существенныя. Такъ, напр., г. Стрѣльбицкій больше, чѣмъ кратко при изложеніи мѣръ, которыя церковное и гражданское правитель-ство предпринимало противъ раскола со времени его появленія до нашихъ дней; а, по нашему мнѣнію, обстоятельное знакомство съ

¹⁾ По нашему мнѣнію, авторъ безъ всякаго ущерба для дѣла могъ бы передать содержаніе: «Повѣсти о бѣломъ клубукѣ» гораздо короче, чѣмъ какъ онъ это дѣлаетъ (стр. 20—23).

²⁾ Авторъ безъ нужды входитъ въ подробности при изложеніи исторіи исправленія книгъ архимандритомъ Тролицко-Сергіева монастыря Дювсіемъ — вмѣстѣ съ старцами его обители (стр. 30—33) и безъ всякой пользы для дѣла посвящаетъ цѣлыхъ 24 страницы (стр. 167—191) рѣчи о такъ называемой австрійской іерархіи.

³⁾ Г. Стрѣльбицкій почему-то *постоянно* называетъ патр. Іоасафа—Іоасафомъ (стр. 34 и 33), а вѣтковскаго чернаго попа Іоасафа—Іосифомъ (стр. 146).

⁴⁾ Перечисляя (стр. 236) противораскольническія братства, г. Стрѣльбицкій почему-то не счелъ нужнымъ упомянуть о старѣйшемъ изъ нихъ—Саратовскомъ братствѣ св. Креста.

этимъ, можно сказать, центральнымъ пунктомъ въ исторіи раскола всего болѣе необходимо будущимъ пастырямъ церкви, такъ какъ только здѣсь они могутъ найти ключъ къ разгадкѣ, почему расколъ, сосредоточивавшійся въ началѣ въ небольшомъ кружкѣ ревнителей мнимой старины, въ настоящее время считаетъ своихъ послѣдователей милліонами и почеху, ратуя на первыхъ порахъ за двуперстіе, сугубую аллилуію и другія обрядовыя мелочи, вносилъ въ свое ученіе и такіе пункты, которые дали нѣкоторымъ писателямъ основаніе—видѣть въ расколѣ социальнополитическую общину; подробное изученіе мѣръ противъ раскола, по нашему мнѣнію, всего скорѣе позожетъ будущимъ пастырямъ церкви „образовать“ въ себѣ и ту нравственную настроенность, о которой говорится въ 4 § объяснительной записки къ программѣ ученія о русскомъ расколѣ, такъ какъ это изученіе покажетъ имъ, что вина отдѣленія раскольниковъ отъ церкви православной не — въ нихъ однихъ.

Но г. Стрѣльбицкій не ограничивается тѣмъ, что слишкомъ мало посвящаетъ вниманія обзору мѣръ противъ раскола церковной и гражданской власти; онъ позволяетъ себѣ еще болѣе тяжкій въ научномъ отношеніи грѣхъ—неточно передавать смыслъ и тѣхъ правительственныхъ распоряженій касательно раскола, о которыхъ ведетъ рѣчь. Такъ, напр., говоря о гражданскихъ правахъ раскольниковъ въ царствованіе Александра 1. г. Стрѣльбицкій пишетъ: „согласно правиламъ 1820 года, они выбирались въ должности по купеческимъ и мѣщанскимъ сословіямъ только при ограниченномъ числѣ православныхъ, при чемъ безпоповцы допускались къ выборамъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ“ (стр. 215); между тѣмъ правилами 27 мая 1820 г. Высочайше повелѣвалось изъ безпоповцевъ допускать къ должностямъ только тѣхъ, кои принадлежать къ сектѣ, которая молится за царя и кою пріемлется бракъ, и притомъ „иначе, какъ только по необходимости и когда не найдется никого изъ православныхъ или старообрядцевъ“ безпоповцевъ же, не молящихся за царя и не пріемлющихъ брака, вѣдно было не избирать ни къ какимъ должностямъ (Собран. пост. по част. раск. 1875 г. стр. 61 — 2). На стр. 118-й нашъ

авторъ говорить, что „въ царствованіе императора Николая послѣдовалъ (въ 1826 г.) указъ объ уничтоженіи безноповщинскихъ молельнь. за исключеніемъ тѣхъ, которыя основаны не менѣе, какъ за десять лѣтъ до изданія сего распоряженія;“ между тѣмъ въ означенномъ указѣ Высочайше повелѣвалось только— „подтвердить всѣмъ начальствамъ, дабы раскольникамъ, на основаніи общихъ правилъ въ 26 день марта 1822 г. изданныхъ, отнюдь не дозволять вновь ничего строить похожаго на церкви, но существующія ихъ церкви и молельни оставить въ настоящемъ ихъ положеніи, не дѣлая имъ притѣсненій“ (Тамъ же, стр. 89). На стр. 220-й, говоря о мѣрахъ противъ раскола при императорѣ Николаѣ, г. Стрѣльбицкій замѣчаетъ: „уничтоженное прежде названіе „раскольникъ“ было восстановлено“; между тѣхъ на дѣлѣ именованіе: раскольникъ, уничтоженное въ царствованіе Екатерины II, стало появляться и въ официальныхъ бумагахъ и въ именныхъ Высочайшихъ указахъ еще въ царствованіе Александра I—съ 1803 года довольно часто (Тамъ же, стр. 27 и 42), а съ 1820 года почти постоянно (Тамъ же, стр. 58—62, 65, 68—9); въ царствованіе же императора Николая вѣрно было (въ 1837 г.) только „для большей точности въ различеніи сектъ старообрядцевъ (такъ прежде назывались не только единовѣрцы, но и поповцы) именовать раскольниками поповщинской секты“ (Тамъ же, стр. 207). Наконецъ, говоря о расширеніи гражданскихъ правъ раскольниковъ въ царствованіе императора Александра II, г. Стрѣльбицкій, между прочимъ, замѣчаетъ: „браки ихъ получили законность“ (стр. 222); между тѣмъ законъ 19-го апрѣля 1874 года буквально гласитъ слѣдующее: „браки раскольниковъ пріобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи чрезъ записаніе въ установленныя для того особыя метрическія книги силу и послѣдствія законнаго брака“.

Имѣя въ виду все вышеизложенное и принимая во вниманіе, что рассматриваемое нами сочиненіе и въ литературномъ отношеніи не безукоризненно ¹⁾, мы, кажется, не погрѣшимъ противъ прав-

¹⁾ На 67 стр. труда г. Стрѣльбицкаго мы читаемъ: «епископъ вятскій Александръ увлекся духомъ времени и прислалъ царю грамоту на патр. Никона, оуждая въ Скрыжали исправленіе богослужб-

ды, если скажемъ, что „Исторія русскаго раскола“ г. Стрѣльбицкаго, въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась въ свѣтъ, не можетъ служить хорошимъ „пособіемъ“ ¹⁾ не только для учащихся, но и для учащихся въ нашихъ семинаріяхъ, и что замѣчаніе „Паратовскихъ епарх. Вѣдомостей“: „къ несчастію, въ нашей духовной литературѣ нѣтъ общедоступной исторіи русскаго раскола“ 1889 г. № 9 стр. 302), не перестало быть справедливымъ и послѣ того, какъ вышла изъ печати книга г. Стрѣльбицкаго.

Н.

ныхъ книгъ и чиновъ церковныхъ». Люди, знающіе дѣло, могутъ догадаться, что хотѣлъ сказать здѣсь авторъ, но для учащихся это—темна вода во облацѣхъ воздушныхъ (см. также стр. 205, 219, 227 и др.).

¹⁾ Съ этою цѣлю, по словамъ автора, она и написана.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки